

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-4-61-67

А.В. СВЯТОСЛАВСКИЙ

Коммуникация или общение: к уточнению понятий

Статья посвящена проблеме корреляции в сфере современного словоупотребления терминов риторики *коммуникация* и *общение* путем выявления особенностей их семантики и стилистических коннотаций.

Ключевые слова: *коммуникация; социальная коммуникация; межличностная коммуникация; общение; типы речи; фатическая функция речи; информационная функция речи.*

Alexey V. Svyatoslavsky

Communication or Intercourse: to the Terms Adjusting.

The article is dedicated to the problem of correlation in the sphere of the modern use of rhetoric terms *communication* and *intercourse* by revealing of the special aspects of semantics and stylistic connotations.

Key words: *communication; social skills; interpersonal communication; intercourse; speech kinds; phatic language function; information language function.*

Если попросить школьника или рядового носителя русского языка указать, какое из двух слов — *коммуникация* или *общение* — является специальным термином, то в большинстве случаев первое будет отнесено к специальной (научной) речи, второе останется примером стилистически немаркированной нейтральной лексики. Однако в среде специалистов-речеведов, психологов и философов *общение* представляется вполне научным термином. Риторическая школа Т.А. Ладыженской (Московский педагогический государственный университет) саму риторiku определяет как «науку об эффективном общении» [Ипполитова, Ерохина 2012: 38].

Проблема заключается в том, в каком контексте эти два термина используются носителем языка в качестве синонимов (оказываются в позиции нейтрализации, говоря языком фонологии), а в каком контексте находятся в состоянии дополнительного распределения.

Например, попытка увидеть синонимию этих терминов возникает при очевидной неравнозначности в русском языке соответствующих глаголов *общаться* и *коммуницировать*. Второй является калькой с английского *to communicate* и в последнее время все чаще встречается почти исключительно в научной и деловой речи, будучи таким образом четко стилистически маркирован. Но проблема в том, что в современном английском языке *to communicate* является широко употребительным глаголом, не столь семантически и стилистически ограниченным, как в русском. Поэтому переводчики с английского нередко переводят его на русский глаголом *общаться*, если речь идет о социальной (не технологической) коммуникации. Отсюда и одна из причин иллюзии почти полной синонимии. Забавно, что при попытке автора статьи воспользоваться электронным словарем поисковика Google для перевода заголовка настоящей статьи он получил следующее: "*Communication*" or "*communication*": *to clarify concepts*. Ситуация говорит сама за себя.

Алексей Владимирович Святославский, доктор культурологии, профессор кафедры риторики и культуры речи, Институт филологии

E-mail: ale1906@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. М. Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Святославский А.В. Коммуникация или общение: к уточнению понятий // Русский язык в школе. – 2018. – № 4. – С. 61–67. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-4-61-67.

Слово *коммуникация* было заимствовано в русский язык относительно недавно, причем как специальный термин, почему и отсутствует в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Слово же *общение* у Даля находим в статье «Общать»:

Обшенье ср. об. действ. по гл. сообщенье, сообщество, взаимное обращение с кем [Даль 2005: 634].

Толковый словарь С.И. Ожегова дает следующие толкования этих понятий:

ОБЩЕНИЕ, -я, средний род. Взаимные сношения, деловая или дружеская связь. Тесное, дружеское о. О. с людьми [Ожегов, Шведова 2006: 440];

КОММУНИКАЦИЯ, -и, женский род. 1. Путь сообщения, линия связи (спец.). Воздушные, водные коммуникации. Подземные коммуникации. 2. Сообщение, общение (книжн.). Речь как средство коммуникации. Средства массовой коммуникации (печать, радио, кино, телевидение), || прил. коммуникационный, -ая, -ое (к 1 знач.) и коммуникативный, -ая, -ое (к 2 знач.). Коммуникационные линии. Коммуникативные функции [Там же: 287].

Двухтомный синонимический словарь А.Ю. Кожевникова предлагает следующий синонимический ряд к слову *общение*: «сношения, сообщение (*устар.*), соприкосновение. См. также связь» [Кожевников 2003: 20]. Слово *коммуникация* в этом словаре отсутствует, нет его и в словаре синонимов З.Е. Александровой, а к слову *общение* в качестве синонимов даны слова *соприкосновение, сношения* [Александрова 1969: 302]. В двухтомном словаре под ред. А.П. Евгеньевой также отсутствует слово *коммуникация*, существительного *общение* тоже нет, но есть глагольная форма *общаться*, к которой в качестве синонимического ряда со стилистическими пометами дано следующее:

Знаться (*разг.*), водиться (*разг.*), якшаться (*прост.*), путаться (*прост.*) [Евгеньева 2003: 25].

Если исходить из неполной синонимии анализируемых нами понятий, то возникает, в частности, вопрос о том, не является ли одно из них более широким, а другое частным случаем первого. Анализ мнений создает иллюзию своего рода логического парадокса, когда одни специалисты аргументированно доказывают, что понятие *общения* шире понятия *коммуникации*, другие доказывают обратное.

В первом случае в самом общении как социальном действии (отвлекаясь от того,

что коммуникация в широком смысле не сводится к социальной коммуникации) выделяют коммуникативную функцию, отвечающую за обмен информацией; интерактивную – представляющую обмен действиями; и перцептивную – восприятие коммуникаторами друг друга. Например, лингвисты М.Я. Блох и Ю.М. Сергеева придерживаются точки зрения, согласно которой «коммуникация и общение суть разные наименования одного и того же процесса, и различие между ними состоит лишь в том, что понятие “коммуникация” семантически более узкое, чем понятие “общение”». Общение, – продолжают они, – не есть только передача информации, наоборот, передача информации (т.е. коммуникация) – лишь повод для общения. <...> Учитывая тот факт, что при анализе общения как особого вида деятельности принято различать три его стороны – перцептивную, интерактивную и коммуникативную, можно сделать вывод о том, что коммуникация выступает лишь как одна из сторон человеческого общения» [Блох, Сергеева 2011: 9]. Цитируемая работа посвящена речевым аспектам художественной литературы и тем самым переносит читателя в сферу социальных (не технических или иных) коммуникаций. Поэтому в данном контексте под *коммуникацией* имеется в виду исключительно межличностный аспект. Однако такой подход можно оспорить с позиций всеобщей коммуникативности культуры и природы, поскольку упомянутые действия в этом случае могут быть сами представлены как коммуникация, тем более если они носят адресный характер в отношении другого индивида. А перцепцию вообще трудно считать явлением, рядомположенным явлению информации, – это явления разного порядка. Иначе говоря, если взять понятие коммуникации во всей совокупности значений (объединяя все виды коммуникаций как связей в окружающей действительности), то совершенно очевидно, что *общение* являет собою более узкое понятие, относящееся лишь к межличностной коммуникации.

Поскольку со словом *коммуникация* как международным научным термином ясности, на первый взгляд, больше, обратимся к анализу его значений в современной коммуникативистике. Одну из классификаций видов коммуникации предложил в 1990-х гг. петербургский ученый А.В. Соколов. Определяя коммуникацию

как «опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов», он находит ее воплощение в трех основных формах: пространственного перемещения, движения смыслов и генетического биологического наследования [Соколов 1996: 19]. Отсюда вытекает одно из самых простых и удачных, на наш взгляд, определений социальной коммуникации как «движения смыслов в социальном времени и пространстве», где под смыслами подразумеваются знания, умения, стимулы, эмоции. Социальное время и пространство определяются через динамическую систему социальных отношений, к которым позже исследователь добавляет еще тип психологической коммуникации [Соколов 2002].

Мы не случайно отметили простоту классификационных построений А.В. Соколова как положительное качество, поскольку в учебной и научной литературе имеет место построение или слишком сложных и не всегда последовательных классификаций видов и моделей коммуникации, или классификаций, не носящих универсального характера. Например, Г.Г. Почепцов выделяет социологические, психологические, семиотические модели коммуникации и визуальные, вербальные, перформансные и мифологические виды коммуникации [Почепцов 2006]. Очевидно, что такая классификация не носит универсального характера. В.С. Тормошева, отвергая исходные понимания коммуникации как связи двух объектов, предлагает взамен набор определений, уводящих в широкую сферу социальных функций коммуникации. «Социально-философский анализ понятия *коммуникация* показал, — пишет исследователь, — что, исходя из реалий современного мира, коммуникация — это не “путь сообщения”, “форма связи”, “акт общения”, “процесс передачи информации”, а механизм: информационно-коммуникативно-го воздействия на массовое сознание, конструирования социальности и собственного “Я”, формирования новых ценностей, передачи смысла в социальном времени и пространстве, поддержания целостности группы» [Тормошева 2013: 46].

Американский коммуникативист Эм Гриффин выделяет целый ряд подходов к осмыслению феномена коммуникации, каждый из которых порождает различные определения ключевого термина. Рассмотрим их подробнее.

Кибернетический подход, основанный в свое время Норбертом Виннером, исходит

из того, что коммуникация — это связь, соединяющая отдельные части любой системы (в том числе социальной).

Семиотическая традиция рассматривает коммуникацию как процесс передачи значений посредством знаков.

В рамках так называемой *социопсихологической традиции* коммуникация видится как «межличностное влияние и взаимодействие».

Социокультурная традиция рассматривает коммуникацию как создание и воплощение социальной реальности, основываясь на предположении, что, когда люди разговаривают, они производят и воспроизводят культуру. Гриффин считает первооткрывателями этого подхода Э. Сепира и Б. Уорфа с их известной гипотезой лингвистической относительности. От себя добавим, что эта традиция была развита и в культурологических работах Московско-Тартуской школы.

Гриффин совершенно в духе западной традиции выделяет также *критическую традицию* в коммуникативистике, выдвигавшей в коммуникации «рефлексивное оспаривание несправедливого дискурса». Ученый выводит эту традицию из трудов Франкфуртской школы М. Хоркхаймера, Т. Адорно и Г. Маркузе — немецких социологов 1920–30-х гг., призывавших восстанавливать социальную справедливость (социальное равенство, равенство полов и др.), влияя на характер общественных, в том числе массовых, коммуникаций.

Описывая *феноменологическую традицию*, Гриффин цитирует психолога К. Роджерса, считавшего, что «ни Библия, ни пророки, ни Фрейд, ни исследования, — ни откровения Господа или человека — не могут превзойти мой собственный непосредственный опыт» [Гриффин 2015: 97]. Отсюда и определение коммуникации как процесса познания себя и других посредством диалога.

Наиболее близкой прикладным аспектам речеведения является уходящая корнями в классическую античность *риторическая традиция*, понимающая под коммуникацией «искусное публичное обращение». Замечая попутно, что риторика больше искусство, чем наука, Гриффин указывает на следующие особенности риторической традиции [Там же: 90]:

— убеждение в том, что речь является ключевым признаком, отличающим человека от животных;

— уверенность в том, что публичное обращение на демократическом форуме

является более эффективным способом решения политических проблем, чем правление с помощью указов или применения силы;

– обстановка выступления: публичное выступление – это, по сути, односторонняя коммуникация;

– обучение ораторскому искусству как краеугольный камень образования лидера;

– акцент на силе и красоте языка, чтобы эмоционально тронуть людей и подвигнуть их на действия (риторика больше искусство, чем наука);

– устное общественное убеждение как территория мужчин (до начала XIX в. женщины практически не имели возможности выступать).

Сам Гриффин в качестве рабочего определения для студентов, изучающих теорию коммуникации, предлагает следующую формулировку: «Коммуникация – это связанный с отношениями процесс создания и интерпретации сообщений, которые вызывают определенную реакцию» [Гриффин 2015: 37].

Вернемся к термину *общение*. Трудность выявления неполноты в кажущейся синонимии анализируемых нами понятий объясняется тем, что этимологически и рус. *общение*, и лат. *communicatio* в равной мере восходят к представлению об установлении некоей *общности*, движения от множества к единству (*e pluribus unum* – как когда-то это прозвучало в рассуждениях Цицерона по поводу сущности *дружбы* в трактате «Об обязанностях»). *Communicatio* изначально представляет отглагольную форму существительного (процесс), происходящую от глагола *communico* – делать общим [Дворецкий 2002: 164]. Таким образом, не канал связи, не инструментарий как таковой, но рождение общности в социальном аспекте видится этимологически первичным в семантике термина *коммуникация*. В дальнейшем значение слова расширилось до современного, включающего в себя представление и о связи как таковой, и о ее средствах, каналах, взаимодействующих агентах, причем как в социальной сфере, так и в природной (биологической) и технической сферах.

Британский Оксфордский толковый словарь английского языка А. Хорнби дает следующее толкование термину *communication*:

1) the act of communicating; 2) that which is communicated; 3) means of communicating (roads, railways, telephone or telegraph lines, radio and TV);

т.е.: 1) акт коммуникации; 2) то, что сообщается; 3) средства коммуникации [Хорнби 1984: 115].

Русскому же слову *общение* в наибольшей мере, по нашему опыту, соответствует англ. *intercourse*, которому дано следующее толкование в указанном словаре:

intercourse – 1) social conversation, dealings between individuals; 2) exchanges of trade, ideas, etc. between persons, societies, nations, etc [Ibid. p. 325];

т.е.: 1) вербальное межличностное взаимодействие (беседа); 2) торговый обмен, обмен идеями на уровне индивида, общества, нации и т.д.

Итак, если ограничиться социальной сферой, то где конкретно искать те семантические особенности двух терминов, ставящих их в положение дополнительного распределения? Необходимо обратиться к целевому аспекту социальной коммуникации. В риторике обычно выделяется несколько речевых типов по целеполаганию, среди которых называют информирующий, аргументирующий, эпидейктический, агитирующий типы (дискурсы) и др. Однако при строгом дихотомическом подходе выделяются два основных аспекта – информационный и фатический. При этом нужно иметь в виду, что практически они существуют всегда в одном речевом акте (сам акт – это уже факт передачи информации), однако речь идет о доминировании одного из них в конкретной коммуникативной ситуации. Если информативность связана с коммуникационной *установкой на передачу информации*, то фатическая функция проявляет себя в иной мотивации – на установление межличностного контакта, на *общение*, ибо потребность общения ради общения заложена в человеке как социальном существе. Можно, например, сослаться на известную «пирамиду потребностей», составленную по трудам А. Маслоу, который выделял среди базовых потребностей человеческой личности такие позиции, как потребность в принадлежности к обществу, в понимании и признании [Маслоу 2011]. Потребность в любви отмечена в классификации потребностей личности В. Паккарда [Паккард 2004]. Э. Фромм выделяет также потребности индивида в «установлении связей» и «укорененности в обществе» [Фромм 2005].

«Мотивы, генерирующие фатическое РП (речевое поведение. – А.С.), – писала Т.Г. Винокур, – можно было бы назвать символикой социального бытия, требующего

контакта ради контакта и устанавливающего речевой контакт как паллиатив неречевой деятельности» [Винокур 1993: 137]. Человек может молча и без видимых проявлений вербальной и паравербальной коммуникации (жесты, мимика) находиться в обществе другого человека и наслаждаться самим фактом общения. Р.О. Якобсон относил это состояние к метаязыковой деятельности, причем в его известной модели речевой коммуникации присутствует отвечающий за это компонент — *контакт*, означающий не только физический канал, но и «психологическую связь между адресантом и адресатом», обуславливающую возможность установить и поддерживать коммуникацию [Якобсон 1975: 198].

Одним из отечественных исследователей, наиболее глубоко разработавших проблему общения, был известный культуролог М.С. Каган, в общих чертах рассматривавший общение как один из видов человеческой деятельности (в рамках так называемого деятельностного подхода). «Нам представляется, — писал он, — что деятельность человека не следует сводить к его предметной деятельности, и тогда общение естественно впишется в это целокупное и разностороннее проявление человеческой активности» [Каган 1988: 123].

Каган связывает представление об общении с совместным, взаимным действием (взаимодействием), и если рассматривать общение в терминах субъектности и объектности, то оно представляется именно субъектно-субъектным типом отношений. Полемизируя с мнением, что при взаимодействии двух субъектов один по отношению к другому всегда выступает в качестве объекта, Каган таким образом совершенно справедливо различает, с одной стороны, ситуацию, когда для субъекта — отправителя информации — объект является не более чем пассивным приемником (и тогда неважно, является ли таким приемником человек, животное или техническое устройство), и, с другой стороны, ситуацию, когда второй член коммуникации представляется активным, осуществляющим обратную связь. Приводится пример хирургической операции как воздействия субъекта-хирурга на объект, при котором объектом может быть (без принципиальной разницы) — человек, животное, даже растение, — изменяемое в результате операции. Иное дело — *беседа* того же врача с тем же пациентом. При этом отправитель информации «видит

в ее получателе субъекта, а не объект, ибо в этом случае он исходит из того, что данная информация адресуется такой системе, которая индивидуально своеобразна, активна в соответствии со своей уникальной природой и соответственно должна переработать получаемую информацию, становясь партнером ее отправителя в их общем деле — совместной выработке результирующей информации» [Каган 1988: 146]. Тогда оба коммуникатора становятся соучастниками некоего социального процесса информационного обогащения, и этот процесс из одностороннего, одностороннего превращается в двунаправленный: «Общение никак не может быть приравнено ни к передаче сообщений, ни даже к обмену сообщениями (или информацией), как оно очень часто определяется в нашей философской и психологической литературе. Общение — это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)» [Там же: 149].

При таком подходе Каган не мог не обратиться к хорошо знакомой филологам концепции коммуникации как универсального диалога, предложенной М.М. Бахтиным. Каган пишет: «Подчеркнем, что выявленная М.М. Бахтиным структура диалога в его отличии от монологического высказывания относится не только к словесной форме общения — речь идет здесь о самой сути диалога, независимо от средств, которые он использует: диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимную дополнительность позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога. Вот почему он может быть формой связи только субъектов, выражая все те черты, которые отличают субъекта от объектов» [Там же: 152].

В любом случае, говоря об общении, мы выделяем фатическую функцию как важную или доминирующую. Подобная коммуникативная ситуация легко иллюстрируется бытовыми примерами, когда, например, собеседники никак не могут положить телефонную трубку, окончив разговор, поскольку уже все сказано (информационная

составляющая исчерпана), но никак не хочется расстаться, и момент окончания разговора всячески оттягивается паузами, междометиями и повторами одних и тех же речевых форм прощания. Примечательно, что словарь синонимов русского языка Н. Абрамова, впервые вышедший в 1900 г. в качестве «сходного по смыслу» (синонимом, конечно, его назвать трудно) к слову *общение* предлагает слово *дружба* [Абрамов 1999].

Общий вывод состоит в том, что, отдавая предпочтение слову *общение* перед словом *коммуникация* (имея в виду межличностную коммуникацию), говорящий или пишущий тем самым подчеркивает важность фатического аспекта, важность собственно контакта и, в конечном счете, — важность поиска «общей территории» в душевном мире обоих коммуникантов. В связи с этим интересны рассуждения Б.А. Успенского о когнитивных аспектах речевого акта, когда возможность *понимания* текста целиком выводится из способности реципиента к *порождению* максимально подобного текста, т.е. способности постановки себя на место собеседника, способности взглянуть на мир его глазами. «Если адресант при порождении текста исходит из определенной ситуации, — пишет Успенский, — то адресат, в свою очередь, стремится найти такую ситуацию, которая могла бы служить мотивацией для данного текста... такую ситуацию, в которой данный текст становится осмысленным, получает смысл; в противном случае он оказывается не способным понять этот текст. Иначе говоря, он должен подобрать ситуацию, в которой он мог бы представить самого себя порождающим такого рода текст» [Успенский 2012: 125]. При этом Успенский значительно расширяет сферу понимания «непонимабельных» на первый взгляд текстов (приводятся примеры «Глокой кудзры...» Л.В. Щербы, произведений Л. Кэрролла, «Лингвистических сказочек» Л. Петрушевской, творчества В. Хлебникова). Особенно показателен разбираемый им случай шифрования текстов в сцене объяснения в любви Левина и Китти в романе Л. Толстого «Анна Каренина», где, в отличие от вышеприведенных примеров, отсутствует грамматический «ключ» к извлечению какого-то смысла. Этот диалог влюбленных мог бы остаться плодом чисто художественного вымысла, если бы, как хорошо известно, не имел места в реальной сцене объяснения Л.Н. Толстого

с будущей женой. «Близкие люди могут настолько хорошо понимать друг друга, что возникает ощущение в соучастии в интеллектуальной деятельности: каждый из них как бы читает мысли собеседника», — заключает Успенский [Успенский 2012: 120]. Совершенно очевидно, что ключевым словом в этом умозаключении является *близкие*. Этим и объясняется желание Кагана и солидарных с ним речеведов и культурологов представить «общение» не просто как более широкое, но как более ответственное в коммуникативной ситуации понятие, чем понятие «коммуникации», ибо сам коммуникативный акт начинается с попытки установления контакта, а успешность его (эффективность) зависит от достигаемой степени «общности» коммуникантов. Согласимся с мыслью А.К. Михальской, считающей, что «речевое общение оценивается как эффективное на основании возникающего у его участников в процессе общения чувства гармонии мира и своей гармонии с миром, появляющегося в результате *общего* ритма, *общих* хронографических параметров дискурса, *единства* коммуникативной стратегии и тактики, культуроспецифических и определенных *общим* культурным контекстом особенностей использования средств непрямого информирования и других средств установления когерентности дискурса» [Михальская 1998: 287] (курсив наш. — А.С.). Желание общаться, желание найти общее в межличностной коммуникации является первым и необходимым условием успешности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М., 1999.
- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. — М., 1969.
- Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. — М., 2011.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М., 1993.
- Гриффин Эм. Коммуникация: Теория и практики / пер. с англ. — Харьков, 2015.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 2005. — Т. 2. И—О.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. — М., 2002.
- Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 2003. — Т. 1 (А—Н).
- Ипполитова Н.А., Ерохина Е.Л. и др. Общая риторика. — М., 2012.

Каган М.С. Мир общения: проблема меж-
субъектных отношений. — М., 1988.

Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: в 2 т. — СПб., 2003. — Т. 2.

Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб., 2011.

Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. — М., 1998.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2006.

Паккард В. Тайные манипуляторы. — М., 2004.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. — М., 2006.

Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. — СПб., 1996.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. — СПб., 2002.

Тормосева В.С. Феномен коммуникации в отечественной философии XXI века // Вестник Томского гос. пед. ун-та. — 2013. — № 5. — С. 45–51.

Успенский Б.А. Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство. — М., 2012.

Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. — М., 2005.

Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. — М., 1984. — Вып. XII.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. — М., 1975. — С. 193–230.

REFERENCES

Abramov N. Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenii, Moskva, 1999.

Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: solution-focused reference, Moskva, 1969.

Bloh M. Ja., Sergeeva Ju. M. Vnutrenniaia rech' v strukture hudozhestvennogo teksta, Moskva, 2011.

Vinokur T.G. Govoriashhii i slushaiushhii: Varianty rechevogo povedeniya, Moskva, 1993.

Griffin Jem. Kommunikatsiya: Teoriya i praktiki, Har'kov, 2015.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: in 4 vol., Moskva, 2005, Vol. 2: I–O.

Dvoreckii I.H. Latinsko-russkii slovar', Moskva, 2002.

Evgen'eva A.P. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: in 2 vol., ed. A.P. Evgen'eva, Moskva, 2003, Vol. 1 (A – N).

Ippolitova N.A., Erohina E.L. et al., Obshhaya ritorika, Moskva, 2012.

Kagan M.S. Mir obshheniya: problema mezhsob'ektnykh otnoshenii, Moskva, 1988.

Kozhevnikov A. Ju. Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: solution-focused reference: in 2 vol., Sankt-Petersburg, 2003, vol. 2.

Maslou A. Motivatsiya i lichnost', Sankt-Petersburg, 2011.

Mihal'skaia A.K. Pedagogicheskaya ritorika: istoriya i teoriya, Moskva, 1998.

Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, Moskva, 2006.

Pakkar'd V. Tainye manipulyatory, Moskva, 2004.

Pochepcov G.G. Teoriya kommunikatsii, Moskva, 2006.

Sokolov A.V. Vvedenie v teoriyu social'noi kommunikatsii, Sankt-Petersburg, 1996.

Sokolov A.V. Obshhaya teoriya social'noi kommunikatsii, Sankt-Petersburg, 2002.

Tormosheva V.S. Fenomen kommunikatsii v otechestvennoi filosofii XXI veka, in *Vestnik Tomskogo gos. pedagog. un-ta*, No. 5, 2013, pp. 45–51.

Uspenskii B.A. Ego loquens. Yazyk i kommunikacionnoe prostranstvo, Moskva, 2012.

Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Hriste, Moskva, 2005.

Hornbi A.S. Uchebnyi slovar' sovremennogo angliiskogo yazyka, Moskva, 1984, issue XII.

Yakobson R.O. Lingvistika i poetika, in *Strukturalizm: «za» i «protiv»: articles coll.*, Moskva, 1975, pp. 193–230.